

М. В. Новиков, Ю. С. Никифоров

**Система образования Российской империи конца XIX – начала XX в.
в свете теоретических воззрений историков «русской школы»**

Статья посвящена теоретическим взглядам и деятельности представителей «русской исторической школы» в сфере образования и культуры Российской империи. Подробно анализируются вопросы дидактики и педагогической деятельности историков в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: «русская историческая школа», П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, М. С. Корелин, дидактика, система образования, Российская империя.

M. V. Novikov, Yu. S. Nikiforov

**The Education System of the Russian Empire in the end of the XIX-the beginning of the XX century
in the Light of the Theoretical Views of the Historians of "the Russian School"**

The article is devoted to the theoretical views and activities of representatives of "the Russian historical school" in the sphere of education and culture of the Russian Empire. The author analyses the issues of didactics and teaching activities of historians at the end of the XIX – the beginning of the XX century.

Keywords: "the Russian historical school", N. I. Kareev, M. M. Kovalevsky, I. V. Luchitsky, P. G. Vinogradov, M. S. Korelin, didactics, an educational system, the Russian Empire

Рубеж XIX–XX вв. – время постепенной модернизации Российской империи, в том числе системы российского образования. В ее обновлении участвовали и представители «русской исторической школы» (П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, М. С. Корелин, А. Н. Савин), неоднократно попадавшие в поле зрения современных исследователей [11, 20, 21]. Оставив заметный след в сфере конкретно-исторических исследований и методологии истории, историки «русской школы» серьезно работали и в области дидактики высшей и средней школы. Их научно-педагогическая жизнь проходила в крупнейших городах Российской империи (Москве, Петербурге, Киеве, Полтаве, Варшаве), а также в зарубежных странах (Франции, Англии, Германии), что наложило определенный отпечаток на мировоззрение рассматриваемых историков.

Информация о дидактических воззрениях и культурно-просветительской деятельности представителей «русской исторической школы» была получена в ходе анализа их работ теоретического плана, источников личного происхождения, периодической печати, а также неопубликованных документов, хранящихся в архивах ОР РГБ

г. Москвы; РГИА, ЦГИА, ОР РНБ (все – г. Санкт-Петербург).

Обратимся непосредственно к педагогическим воззрениям историков «русской школы». Наиболее рельефно осветил взгляды на идеалы образования Н. И. Кареев, создав специальную серию работ для учащейся молодежи. Историк приходил к выводу о важности философского и социологического образования в деле формирования этического отношения личности к обществу [13]. Сходную позицию занимал М. М. Ковалевский, для которого, по словам С. Гогеля, была характерна «безграничная вера в силу просвещения и культуры» [9, с. 116].

Кареев считал, что наиболее важным компонентом самообразования является знакомство с историей. *Значение истории*, по его мнению, заключалось в формировании общей образованности и исторического отношения к жизни («понимание процесса исторического развития и значения важнейших его моментов»), моральном и политическом воспитании, выработке всемирно-исторического подхода. С точки зрения ученого, «лучшая канва для изучения истории – внешне-политическая история и судьба замечательных личностей» [15, с. 136–137]. По словам В. П. Зо-

лотарева, «общая концепция всемирной истории Н. И. Кареева сыграла положительную роль в школьном преподавании всеобщей истории в начале XX в.» [10, с. 12]. В свою очередь, другой историк «русской школы» П. Г. Виноградов отмечал среди задач истории «развитие интереса к общественной жизни» [7, с. 4].

Особняком среди сочинений, обращенных к молодежи, стояла работа Н. И. Кареева «Выбор факультета» [14], которая выделялась прикладной направленностью. В этом труде Кареев выступил не только как ученый, но и как мудрый наставник и тонкий психолог. По мнению рецензента, Кареев идеализировал университет для того, чтобы поступающий в него юноша был более приспособлен к борьбе «с тлетворными влияниями ученой бюрократии, держа внутри образ идеального университета» [19, с. 191].

Кареев подчеркивал такую важную деталь университетского образования, как *формирование общекультурного уровня образованности*: «Учеными в университете делаются немногие, но образованными должны сделаться все» [14, с. 6]. Огромную роль, по мысли историка, играли внефакультетские предметы и стремление к самообразованию. По мнению П. Г. Виноградова, характер учебных занятий складывался, помимо прямого действия профессоров, в соответствии с 3 факторами: давлением министерств, заботой факультетов и отношением студентов [8, с. 551].

Выделим факторы, которые, по Н. И. Карееву, должны были определять *выбор факультета*: индивидуальный интерес – «жизненное поприще по душе»; практические соображения будущей перспективы – «профессия должна не только удовлетворять внутренние потребности человека в деятельности, но и давать верный кусок хлеба»; личные способности – «удовлетворение существующих умственных запросов»; собственные возможности – «наличие данных о материальных условиях» [14, с. 7].

Начало преподавательской деятельности историков «русской школы» совпало с периодом контрреформ Александра III 1880-х гг., что отразилось на их педагогических взглядах и восприятии тогдашней российской действительности. Так, например, М. М. Ковалевский достаточно критично отзывался о современной ему системе среднего образования, в частности, о школе: «Считаю нашу среднюю школу настолько косной, что ее настоящее мало уклонилось от прошлого, воспитательного значения она не имеет». С точки зрения историка, кроме элементов евро-

пейской культуры, школа должна «восполнять нравственное и физическое воспитание семьи» [18, с. 55, с. 68].

Гораздо положительнее Ковалевский отзывался об университетском образовании, которому был обязан общим развитием. Между прочим, различие между школой и университетом в преподавании истории точно подметил В. О. Ключевский: «Учитель истории рассказывает ученикам, что было; профессор рассуждает со студентами, что это былое значило» [17, с. 262]. По мнению М. М. Ковалевского, *роль университета* скорее воспитательная, чем образовательная – «не в одних лекциях и семинарах, но и в образовании слушателями научных кружков и сходов». Для развития подрастающего поколения ученый призывал к *широкой общей подготовке и выступал против ранней специализации*: «Ранняя специализация в моих глазах является не полезною, а вредною» [18, с. 87–89]. В. А. Вагнер, подчеркивая идею Ковалевского о необходимости всестороннего развития личности, писал об историке: «Он [Ковалевский] считал необходимым общее образование, которое давало бы всестороннее, а не одно лишь специальное развитие» [6, с. 102]. Некоторые идеи Ковалевского представляются достаточно спорными и сомнительными с точки зрения полезности. Например, историк ратовал за *свободное посещение лекций* студентами.

Обратимся к воззрениям М. М. Ковалевского на *проблему преподавания общественных наук в высшей школе*. Историк указывал на *подвижность границ обществоведения*, к которому он относил и историю, и археологию, и географию, и этнографию, и статистику, и экономику, и мораль, и право, и политику. В обществоведении он видел прикладной характер, рекомендуя «знакомство» с ним будущим администраторам. Наряду с историей, ученый особо выделял экономику как дисциплину, использующую дедуктивный метод. В духе позитивистской методологии Ковалевский предлагал дополнить традиционную филологическую подготовку историков изучением приемов экономики, политики и права. С точки зрения ученого, это позволило бы историкам добиться прочных результатов в экономической истории: «Если бы историки имели большую подготовку в области общественных наук... многие научные споры показались бы праздными» [18, с. 1–6].

Такой представитель «русской исторической школы», как П. Г. Виноградов, был сторонником *активного обучения*. Он считал, что по-

настоящему плодотворными университетские занятия станут только в том случае, если студенты будут принимать в них сознательное участие. Ученый предлагал остерегаться «регламентации и школьного педантизма». Важным принципом Виноградова был гуманизм. Рационально подходу к процессу обучения, он предлагал ограничивать учебную нагрузку: «Едва ли студент будет в состоянии справляться более чем с 2 семинарными одновременно» [8, с. 570].

Обратимся к взглядам историков на *университетские семинары*. М. М. Ковалевский указывал на важность практических занятий в университете, выступая против поручения их приват-доцентам, «сравнительно менее опытным и начитанным». Историк считал, что семинары, напротив, должны вести «выдающиеся русские ученые», которые познакомили бы студентов с передовыми методами исследования [18, с. 127–133].

П. Г. Виноградов, известный успешными семинарами, высказывался за *разнообразие в способах проведения практических занятий* в университете. Он писал, что «каждый из них может вызывать величайший интерес и стать в тягость, если предписывать его как единственно пригодный». Историк выделял, по крайней мере, 7 *эффективных форм семинаров*: разбор исследовательских работ, интерпретация памятников, сочинения на темы пропедевтического или общеобразовательного характера, упражнения, приспособленные для будущих педагогов, анализ юридических казусов, состязательное общение тезисов, репетиции с целью усвоения курса или дополнений к нему [8, с. 570]. Среди указанных семинаров обращает на себя внимание присутствие такой формы занятий, как упражнение для будущих педагогов. Данный факт говорит о стремлении историка включить в университетский курс компоненты методики преподавания. Сходную позицию занимал М. С. Корелин, который выступал против «отделенных от университета педагогических семинариев» [Цит. по: 12, с. 137].

По мнению историков «русской школы», требовала реформы и *система подготовки молодых ученых*. М. М. Ковалевский, к примеру, видел в ней следующие недостатки: необходимость большую часть времени уделять подготовке лекций, возможность быть преподавателем после первого магистерского экзамена, жесткое требование на докторскую диссертацию – тома в 500 и 600 страниц компиляции. Как следствие, из-за такого большого объема «оппоненты критикуют диссертанта в недостаточном освещении вопро-

са» и диссертации часто не защищаются, а в университетах мало докторов, но много магистров. Ковалевский задавался вопросом: «Не пора ли настаивать не столько на объеме диссертации, сколько на ее внутренних качествах?» [18, с. 127, с. 223]. Достаточно жестко к проблеме «оставления при университете» подходил Н. И. Кареев. В докладной записке 1913 г. «Об условиях оставления кандидатов историко-филологического факультета в Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию» ученый говорил, что «оставление при университете – дело серьезное, которое должно быть обставлено серьезными гарантиями» [2, л. 1].

В *экзаменах* историки «русской школы» видели средство контроля за качеством подготовки специалистов. В. А. Вагнер приводил мнение Ковалевского о ценности дипломов как показателей образования: «Диплом, являясь хорошим стимулом для работы, представляет полезную рекомендацию для его обладателя при поисках заработка, а экзамены не должны заключать лишних и без нужды затрудняющих требований». Историк выступал против формального отношения к диплому: «Диплом не доказательство ученых достоинств» [6, с. 100, с. 105].

П. Г. Виноградов был сторонником *английской системы экзаменационных испытаний в виде письменных «клаузурных работ»*. По его мнению, письменная форма экзамена имела ряд преимуществ. Во-первых, письменному ответу мог быть придан проблемный, «задачный» характер. Во-вторых, такая форма экзамена была в меньшей степени, с точки зрения ученого, подвержена влиянию случайных обстоятельств. Наконец, в-третьих, письменная работа позволяла лучше выяснить «ориентированность экзаменуемого в предмете и умение обращаться с его данными, нежели способность отрапортовать по книге» [8, с. 572]. Мысли великого русского историка представляются особенно актуальными в свете современных дискуссий о пользе и вреде единого государственного экзамена, который в определенной степени отражает некоторые из идей Виноградова.

Другая важная дидактическая мысль Виноградова связана с *рейтинговой системой оценивания* студентов в течение семестра. С его точки зрения, на экзамене должны были учитываться самостоятельная исследовательская работа студентов (рефераты) и свидетельства об участии в семинарских занятиях. Все это, по мысли исто-

рика, имело «больше значения, чем ответы по затверженным курсам» [8, с. 572].

Важно подчеркнуть, что взгляды на идеалы образования и воспитания историки «русской школы» не только излагали на страницах сочинений, но и стремились воплотить в конкретной педагогической деятельности. Об этом свидетельствовали различного рода *проекты и представления*, которые ученые составляли с целью *повышения качества исторического образования*.

Приведем некоторые примеры из педагогической практики историков. К концу 1880-х гг. в университетах сложилась ситуация «засилья *классических предметов*»: из 18 обязательных для студентов часов в неделю 14 приходилось на классические языки, древнюю историю и литературу, а на все остальные предметы 4 часа («одни студенты слушали исторические курсы, а другие филологические») [16, с. 182]. К примеру, на курс новой истории отводилось всего 4 часа (на семестр). Большие объемы материала, которые невозможно было сжать в ограниченном времени лекций, заставили в 1888 г. профессоров Н. И. Кареева и А. И. Незеленова подать «Представление об увеличении числа часов в читаемых ими курсах лекций» [3, д. 386., л. 29–31].

В годы реакции в области просвещения историки «русской школы» вели настоящую борьбу за *сохранение полноценного исторического образования* в университетах. Ярким примером коллективных действий представителей «русской исторической школы» была служебная записка «О необходимости сохранения общих курсов по европейской истории для студентов всех отделений историко-филологического факультета», поданная профессорами П. Г. Виноградовым, В. И. Герье, Н. И. Кареевым, И. В. Лучицким, Ф. Я. Фортинским на имя министра народного просвещения [1, д. 78]. В записке от 1898 г., стремясь повысить языковую подготовку будущих историков, Н. И. Кареев ходатайствовал совместно с А. Н. Веселовским и Ф. Ф. Соколовым «О введении преподавания новогреческого языка» [3, д. 1576].

Особую активность историки проявляли в вопросах *контроля знаний студентов* родного исторического факультета. В записке от 1897 г. «О недостатках в преподавании истории на факультете и о мерах к их устранению» Н. И. Кареев предлагал ввести в состав полукурсовых испытаний предмет «Всеобщая история, средняя и новая», на что факультет дал положительную резолюцию [4, д. 662, л. 37–39]. В другом докумен-

те за 1908–1910 гг. Кареев выносил на рассмотрение факультета проект новой организации семинариев и высказывал «особое мнение по вопросу о предполагаемых переменах в факультетских требованиях к студентам» [4, д. 16119, л. 2].

Деятельность историков по повышению качества образования не ограничивалась стенами университета. Совместно с профессорами П. А. Лавровым и В. И. Ламанским Кареев, стремясь *повысить уровень испытаний для педагогов школ*, подал в 1909 г. записку «О дополнении предметов испытаний на звание учителя гимназии историей славянских народов» [5, д. 32]. Педагогическая составляющая была внесена под влиянием Кареева и в устав организованного в 1889 г. «Исторического общества» [3, д. 555, л. 2–3].

Историки стремились к развитию *народного просвещения*, отстаивая принцип *сохранения национальной идентичности*. В приветственной речи к учредительному собранию Лиги образования от имени Вольного университета Кареев обозначил эту идею следующим образом: «Главная задача Лиги – устройство вольных университетов для лиц, не получивших школьного образования, самым желанным является принцип Лиги, чтобы развитие образования совершалось на народных местных языках» [22].

Таким образом, глубокие изменения, происшедшие в Российской империи во 2-й половине XIX в., сказались и на судьбе исторического образования. Необходимость его качественного улучшения чувствовалась историками-преподавателями. Ученые «русской исторической школы» были уверены в высокой миссии истории в образовательном процессе. Мысли о проблемах методики преподавания истории и других гуманитарных дисциплин, изложенные историками «русской школы» в статьях, лекциях, докладных записках в университетские советы, сыграли важную роль в деле подготовки образованных людей, а некоторые из их идей (система письменных экзаменов, рейтинговая система оценивания, активные методы обучения) предвосхитили современную ситуацию в системе российского образования. Историки «русской школы» выступили проводниками либерального мировоззрения в юношеской среде российского общества на рубеже XIX–XX вв.

Библиографический список

1. ОР РГБ. – Ф. 119. – Оп. 9. – Д. 78.
2. ОР РНБ. – Ф. 865. – Ед. хр. 373.
3. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 150.

4. ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 27. – Д. 662.
5. ЦГИА СПб. – Ф. 284. – Оп. 1. – Д. 32.
6. Вагнер, В. А. М. М. Ковалевский в вопросах просвещения [Текст] / В. А. Вагнер // Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 100, 102, 105.
7. Виноградов, П. Г. Книга для чтения по истории средних веков [Текст] / П. Г. Виноградов. – М., 1896. – С. 4.
8. Виноградов, П. Г. Учебное дело в наших университетах [Текст] / П. Г. Виноградов // Вестник Европы – 1901. – № 10. – С. 551.
9. Гогель, С. Одно из крупных дел М. М. Ковалевского [Текст] / С. Гогель // Ковалевский М. М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 116.
10. Золотарев, В. П. Н. И. Кареев – историк-методист [Текст] / В. П. Золотарев. – М., 1965. – С. 12.
11. Золотарев, В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция [Текст] / В. П. Золотарев. – Л., 1988.
12. Иванцов, М. М. С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий [Текст] / М. Иванцов // Русская мысль. – 1899. – № 10. – С. 137.
13. Кареев, Н. И. Беседы о выработке миросозерцания [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1896.
14. Кареев, Н. И. Выбор факультета и прохождение университетского курса [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1905.
15. Кареев, Н. И. Письма к учащейся молодежи [Текст] / Н. И. Кареев. – СПб., 1896. – С. 136–137.
16. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н. И. Кареев. – Л., 1990. – С. 182.
17. Ключевский, В. О. Соч. в 8 тт. – Т. 8 [Текст] / В. О. Ключевский. – М., 1959. – С. 262.
18. Ковалевский, М. М. Моя жизнь [Текст] / М. М. Ковалевский. – М., 2005. – С. 55, 68.
19. Коробкин, Н. Рецензия на работу Н. И. Кареева «Выбор факультета и прохождение университетского курса» [Текст] / Н. Коробкин // Русская школа. – 1897. – № 4. – С. 191.
20. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст] / Г. П. Мягков. – Казань, 2000.
21. Погодин, С. Н. Русская школа историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский [Текст] / С. Н. Погодин. – СПб., 1997.
22. Речь профессора Н. И. Кареева на открытии Лиги образования // Биржевые ведомости. – 1906. – № 9208.

Bibliograficheskiy spisok

1. OR RGB. – F. 119. – Op. 9. – D. 78.
2. OR RNB. – F. 865. – Yed. khr. 373.
3. RGIA. – F. 733. – Op. 150.
4. TSGIA SPb. – F. 14. – Op. 27. – D. 662.
5. TSGIA SPb. – F. 284. – Op. 1. – D. 32.
6. Vagner, V. A. M. M. Kovalevskiy v voprosakh prosveshcheniya [Tekst] / V. A. Vagner // Kovalevskiy M. M. Uchenyy, gosudarstvennyy i obshchestvennyy deyatel' i grazhdanin. – Pg., 1917. – S. 100, 102, 105.
7. Vinogradov, P. G. Kniga dlya chteniya po istorii srednikh vekov [Tekst] / P. G. Vinogradov. – M., 1896. – S. 4.
8. Vinogradov, P. G. Uchebnoye delo v nashikh universitetakh [Tekst] / P. G. Vinogradov // Vestnik Yevropy – 1901. – № 10. – S. 551.
9. Gogel', S. Odno iz krupnykh del M. M. Kovalevskogo [Tekst] / S. Gogel' // Kovalevskiy M. M. Uchenyy, gosudarstvennyy i obshchestvennyy deyatel' i grazhdanin. – Pg., 1917. – S. 116.
10. Zolotarev, V. P. N. I. Kareyev – istorik-metodist [Tekst] / V. P. Zolotarev. – M., 1965. – S. 12.
11. Zolotarev, V. P. Istoricheskaya kontseptsiya N. I. Kareyeva: soderzhaniye i evolyutsiya [Tekst] / V. P. Zolotarev. – L., 1988.
12. Ivantsov, M. M. S. Korelin kak professor i rukovoditel' studencheskikh zanyatiy [Tekst] / M. Ivantsov // Russkaya mysl'. – 1899. – № 10. – S. 137.
13. Kareyev, N. I. Besedy o vyработке mirosozertsaniya [Tekst] / N. I. Kareyev. – SPb., 1896.
14. Kareyev, N. I. Vybora fakul'teta i prokhozhdeniye universitetskogo kursa [Tekst] / N. I. Kareyev. – SPb., 1905.
15. Kareyev, N. I. Pis'ma k uchashcheysya molodezhi [Tekst] / N. I. Kareyev. – SPb., 1896. – S. 136–137.
16. Kareyev, N. I. Prozhitoye i perezhitoye [Tekst] / N. I. Kareyev. – L., 1990. – S. 182.
17. Klyuchevskiy, V. O. Soch. v 8 tt. – T. 8 [Tekst] / V. O. Klyuchevskiy. – M., 1959. – S. 262.
18. Kovalevskiy, M. M. Moya zhizn' [Tekst] / M. M. Kovalevskiy. – M., 2005. – S. 55, 68.
19. Korobkin, N. Retenziya na rabotu N. I. Kareyeva «Vybora fakul'teta i prokhozhdeniye universitetskogo kursa» [Tekst] / N. Korobkin // Russkaya shkola. – 1897. – № 4. – S. 191.
20. Myagkov, G. P. Nauchnoye soobshchestvo v istoricheskoy nauke: opyt «russkoy istoricheskoy shkoly» [Tekst] / G. P. Myagkov. – Kazan', 2000.
21. Pogodin, S. N. Russkaya shkola istorikov: N. I. Kareyev, I. V. Luchitskiy, M. M. Kovalevskiy [Tekst] / S. N. Pogodin. – SPb., 1997.
22. Rech' professora N. I. Kareyeva na otkrytii Ligi obrazovaniya // Birzhevyye vedomosti. – 1906. – № 9208.